

Если хочешь быть красивым, поступи в гусары!

Александр Кибовский

Среди военных мундиров XVIII и XIX веков самыми роскошными и эффектными были гусарские. Их красивая форма, расшитая шнурами, — неотъемлемая часть образа лихих храбрецов, буйных кутил, любимцев женщин, бесстрашных бретёров и отчаянных игроков. Гусары стали героями произведений русской литературы. О них писали сами гусары: Давыдов и Лермонтов, сын гусара Толстой и мечтавший поступить после лица в гусары Пушкин...

▶ Подполковник Александр Иванович Панаев. Автопортрет (?), 1819–1820 годы ГЛМ
Слева под воротником неуставная пряжка Аннинского и Золотого оружия

▶ Неуставные пряжки Аннинского оружия. Частное собрание и ГИМ

Среди военных портретов довольно редко встречаются изображения в полный рост. Тем замечательнее акварель из собрания Государственного музея истории российской литературы имени Владимира Даля (ГЛМ), на которой изображён гусарский офицер во всём великолепии своей парадной формы, да ещё и на фоне коня с расшитым вальтрапом*. Многочисленные и тщательно выписанные неизвестным художником детали позволяют точно установить, что офицер служил в Иркутском гусарском полку в 1817–1820 годах.

На ментике можно рассмотреть ряд боевых наград, но не совсем обычного вида. Перед двумя медалями — серебряной и бронзовой дворянской в память Отечественной войны 1812 года — прикреплены два прямоугольника из красной

* Род верхнего чепрака в некоторых родах конницы нашей, который кладётся не под седло, а сверх его. Толковый словарь Владимира Даля.

▼ Подполковник Иркутского гусарского полка Александр Иванович Панаев. Автопортрет (?), 1819–1820 годы ГИМ
Дар Веры Николаевны Панаевой Музею 1812 года

▶ Подполковник Иркутского гусарского полка Александр Иванович Панаев. Автопортрет (?), 1819–1820 годы ГЛМ
Ранее: портрет неизвестного

и георгиевской ленточек. Поверх них приколоты горизонтальная золотая планка с красным крестиком в середине. Несмотря на мелкий формат и расплывчатость акварели, эта деталь вполне узнаваема. Перед нами неуставная пряжка со знаком ордена Святой Анны 4-й степени. Тут следует сделать небольшое отступление.

Голштинский орден Святой Анны попал в Россию в 1742 году вместе с внуком Петра Великого герцогом Голштейн-Готторпским Карлом Петром Ульрихом, который через двадцать лет стал императором Петром III. После дворцового переворота и гибели свергнутого царя летом 1762 года новым герцогом стал его сын — наследник престола Павел Петрович. В 1773 году он отказался от Голштинии (см. мою статью в «Дилетанте» в октябре прошлого года), но орден сохранил за собой. В то время он имел лишь одну степень и вручался генералам и высшим сановникам. Де-факто орденом распоряжалась Екатерина II, она сама решала, кого наградить, но формально каждый раз просила об этом сына.

По мере взросления Павел всё больше тяготился обязанностью послушно награждать любимцев матери, которых терпеть не мог. В 1795 году он осмелился на дерзкий шаг — придумал для ордена младшую степень и сделал её кавалерами своих приближённых Фёдора Ростопчина и Николая Свечина. Но, боясь гнева Екатерины II, велел им прикрепить маленькие орденские крестики на эфесы шпаг так, чтобы

их не было заметно. Испуганный Ростопчин бросился к тётке своей жены камер-фрейлине Анне Протасовой, близкой к императрице. Та аккуратно сообщила Екатерине о выдумке Павла, на что царица улыбнулась: «Ах, он горе-богатырь! И этого-то лучше не выдумал! Скажи Ростопчину,

Павел был в восхищении от мнимого подвига Ростопчина

чтоб он носил свой орден и не боялся: а я не буду замечать». Осмелевший Ростопчин привинтил крест прямо на переднюю чашку эфеса и гордо явился к Павлу. Наследник опешил от такой храбрости, на что Ростопчин браво заявил: «Милость вашего высочества так мне драгоценна, что я не могу её скрывать. Готов погубить

себя, но докажу этим преданность». Трюк полностью удался. Павел был в восхищении от мнимого подвига Ростопчина.

Вступив на престол, Павел I официально разделил орден Святой Анны на три степени, младшая из которых стала самой первой и массовой наградой для офицеров. По решению императора её знак носили не на груди,

Возникла мода носить на груди самодельные пряжки с «клюквой»

а на эфесе оружия. Это был маленький золотой кружок под короной с красным крестиком и ободком, который позднее военные стали называть «клюквой». После наполеоновских походов орден в 1815 году разделили на четыре степени, так что Аннинское оружие вместо 3-й стало 4-й степенью.

Но многих кавалеров не устраивало, что, в отличие от Георгиевских и Владимирских крестов, их награда никому почти не была видна. В этой связи возникла мода носить на груди разные варианты самодельных пряжек с «клюквой» в середине. Вот такая пряжка и приколоты на ментике у гусара

▲ Александр и Елена Панаевы. Лев Крюков. Казань, осень 1820 года. Частное собрание. Раннее: Владимир и Пелагея Юшковы

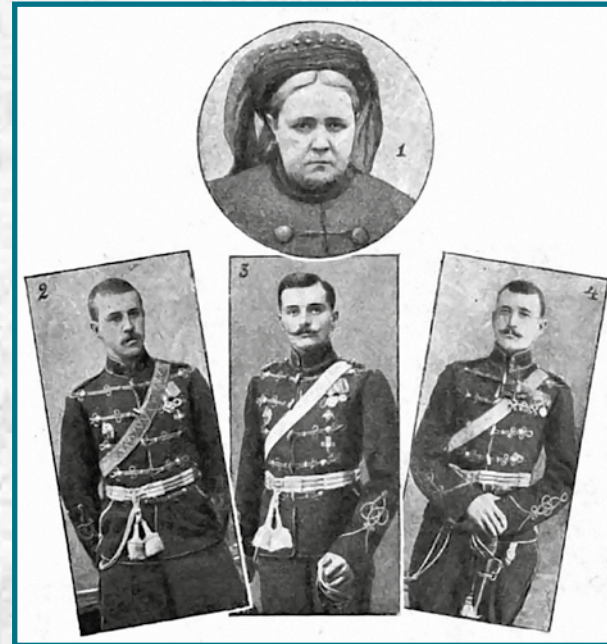
были награждены Золотым оружием, и лишь трое из них имели ещё и Аннинские сабли. При этом двое из троих носили на груди орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. Таким образом, на портрете может быть лишь один офицер — подполковник Александр Иванович Панаев. Эта версия полностью подтвердилась при сравнении акварели с другими портретами Панаева — в том же музее, а также в ГИМ. Помимо очевидного внешнего сходства на его вицмундире мы видим те же медали и такую же пряжку, что и на портрете в рост.

Изучение иконографии Александра Панаева позволило вернуть имя ещё двум миниатюрам кисти замечательного художника Льва Дмитриевича Крюкова. Крепостной симбирской помещицы Секиотовой, он был послан барыней в Москву, где в совершенстве выучился живописи, получил в 1806 году вольную и затем 34 года служил в Казанском университете учителем живописи и рисования. Кроме того, художника привлекали к самым разным работам — от иллюминации праздников до зарисовок

▼ Владимир Иванович Юшков. Лев Крюков, около 1820 года. Государственный музей А. Н. Толстого

▼ Пелагея Ильинична Юшкова, урождённая графиня Толстая. Лев Крюков, около 1820 года. Музей-усадьба А. Н. Толстого «Ясная Поляна»

древностей во время научных экспедиций. Но настоящую славу Крюкову принесли миниатюры. Казанское дворянство охотно заказывало ему свои портреты, некоторые из которых сохранились до наших дней.

На парных миниатюрах изображена молодая чета — бравый гусарский штаб-офицер в вицмундире и девушка с высокой причёской. В начале 1920-х годов парный портрет не имел имён и принадлежал

▲ Единственный кавалер знака Святой Ольги Вера Николаевна Панаева и её погибшие на фронте сыновья — георгиевские кавалеры, офицеры Ахтырского гусарского полка Гурий, Лев и Борис

Николаю Мефодиевичу Коровину, которого называют «последним из могикан» коллекционеров старой Казани. Он умер в 1966 году, и с тех пор о миниатюрах не было ничего известно. В 2011 году они появились на выставке из частных собраний. Но теперь их уже считали ни много ни мало портретами опекунов Льва Толстого — его тётки Пелагеи Ильиничны, урождённой графини Толстой, и её

мужа, лейб-гусара Владимира Ивановича Юшкова.

Но с этой версией нельзя согласиться по целому ряду причин. Юшков не имел бронзовой медали в память Отечественной войны 1812 года и, кроме того, служил в лейб-гусарах только до чина ротмистра, а затем был зачислен подполковником по армии. То есть он не мог носить гусарский вицмундир при эполетах с бахромой. На двух миниатюрах того же времени кисти Льва

Наставник Аксакова

Александр Иванович Панаев родился в 1788 году в семье зажиточного казанского помещика. Его младшим братом был известный поэт, академик и статс-секретарь Владимир Панаев, а племянником — литератор Иван Панаев. В 1805 году Александр поступил в Казанский университет, где получил блестящее образование. Знал французский и немецкий языки, латынь, всеобщую историю, математику, геометрию, географию, физику, химию, минералогию, увлечённо собирал бабочек. Ещё в гимназии Александр близко подружился с Сергеем Аксаковым, который под его влиянием стал сочинять. Именно Панаеву наша литература обязана появлением классика. Вместе они издавали рукописные журналы, создали студенческий театр и Общество любителей русской словесности. Но время было военное. В 1807 году Александр бросил учёбу и определился в лейб-гвардии Уланский полк, с которым прошёл всю Отечественную войну 1812 года. За подвиги в ноябре при Красном, где уланы отбили шесть пушек, большой обоз, взяли сотни пленных и французское знамя, Панаев получил Аннинское и Золотое оружие. Весной 1813 года участвовал в сражениях при Люцене и Бауцене, затем был командирован в Петербург и больше уже боевых наград не имел. В 1818 году ротмистр Панаев, пользуясь «петровским старшинством» гвардии в два чина, перевёлся сразу подполковником в Иркутский гусарский полк, а в 1820 году вышел полковником в отставку. Поселившись в деревне, управлял своими владениями в Казанской губернии, где имел около 300 крепостных и более двух тысяч гектаров земли. В 1834–1836 годах Панаев был предводителем дворянства Лаишевского уезда. Со студенчества писал стихи и прозу, составлял шарady, хорошо рисовал. Возможно, его изображения в ГАМ и ГИМ являются автопортретами. Умер Панаев в 1868 году.

Шарада Александра Панаева «Чу-бук». 1820 год

Когда бы соловья сейчас кто услышал,
Тот верно б первый слог невольно
вам сказал;
Второй — материал, полезный
для кареты;
За целое ж теперь взялись и кадеты,
Ни мало не смотря на их молодые леты.

Крюкова он изображён в правильной форме, без всякого намёка на гусарство. К тому же Юшков имел довольно характерную внешность с массивным носом и острым подбородком, что не вяжется с тонкими чертами лица гусара на миниатюре. Да и девушка совсем не похожа на «тётушку Полин», чей портрет также кисти Крюкова хранится в Ясной Поляне.

На самом деле на миниатюрах — уже знакомый нам Александр Панаев с супругой Еленой Матвеевной. Она принадлежала к знатному армянскому роду Лалаевых, чем, видимо, объясняется фасон её платья, нетипичный для моды той поры, — без обнажённых плеч и шеи, с большим воротником. Скорее всего, портреты были написаны осенью 1820 года в Казани во время отпуска гусара. В долгом счастливом браке Панаевы имели пять сыновей. Во время Крымской войны Елене Матвеевне ошибочно сообщили о гибели сына Аркадия, и она не смогла пережить это известие.

Трое внуков Панаева, Борис, Гурий и Лев Аркадьевичи, в годы Первой мировой сражались в Ахтырском гусарском полку. Их судьба стала трагической «гусарской балладой». Все трое погибли на фронте, получив посмертно ордена Святого Георгия 4-й степени. Их мать, Веру Николаевну Панаеву, 2 апреля 1916 года Николай II наградил знаком отличия Святой Ольги. Хотя знак был учреждён ещё в 1913 году в связи с 300-летием дома Романовых, Панаева стала первым и единственным кавалером этой награды. ▼

Автор — руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат исторических наук